

УДК-32:004

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-1-25-37

УСЛОВИЯ УСПЕШНОЙ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТОВ ЭЛЕКТРОННОГО УЧАСТИЯ: СЛУЧАЙ НЕКОНКУРЕНТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ю. А. Кабанов

Кабанов Юрий Андреевич, старший преподаватель, Школа социальных наук, Департамент политологии и международных отношений, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия, заместитель директора, Центр технологий электронного правительства, Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ykabanov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-4011-2010. ResearcherID: U-1616-2018).

Аннотация

В науке пока не сложилось консенсуса относительно того, почему одни страны оказываются более успешными в имплементации институтов электронного гражданского участия, чем другие. Настоящее исследование вносит вклад в эту дискуссию, концентрируясь на неконкурентных политических системах. Для этого был проведен качественный сравнительный анализ на выборке из 68 стран за 2014–2024 гг., в результате которого было выявлено два необходимых условия успешности: высокий уровень цифровой состоятельности, позволяющей осуществлять политический контроль над Интернетом, а также включенность в международные тренды, связанные с глобальным распространением этой инновации. Кроме того, были найдены две комбинации условий, достаточных для успеха. Все успешные страны активно полагаются на стратегию легитимации через эффективность, а также активно взаимодействуют с ООН в сфере электронного участия. Далее их пути расходятся, и успешность достигается либо через сильную административную и цифровую состоятельность, либо через вовлечение гражданского общества и участие в партнерстве «Открытое правительство». Исследование вносит вклад в изучение электронного участия в кросс-национальной перспективе, а также в дискуссию относительно развития Интернета в условиях неконкурентной политики.

Ключевые слова: электронное участие; гражданское участие; качественный сравнительный анализ; публичная политика; цифровизация; государственная состоятельность; государственное управление.

Введение

Исследователи часто обращают внимание на быстрое и довольно успешное распространение партисипаторных инноваций за пределами круга демократических стран (Woo, Kübler, 2020). Этот тренд характерен и для институтов электронного участия, предполагающих вовлечение граждан в публичную политику через различные цифровые каналы. Например, в 2024 г. в первой двадцатке индекса электронного участия ООН (*E-Participation Index*, далее – *EPI*) оказались Саудовская Аравия, Сингапур, Китай и Бахрейн¹.

Появление подобных институтов в неконкурентных политических системах (далее – НПС) остается актуальной научной проблемой. Почему одни страны более восприимчивы к этим инновациям и успешны в их имплементации, чем другие? За последние годы наука значительно продвинулась в ответе на этот вопрос. С одной стороны, отмечается важность внутренней и внешней мотивации, связанной с легитимацией режима (Chen, 2016; Qiaoan, Teets, 2020) или международной социализацией (Åström et al., 2012; Bougherra et al., 2023). С другой – имеет значение способность государств претворять в жизнь собственные решения (Stier, 2015). Тем не менее единой объяснительной модели, учитывающей эти условия и их взаимодействия, пока не сложилось.

© Кабанов Ю.А., 2026

¹ UN DESA. UN E-Government Knowledgebase [online]. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (accessed: 10.05.2025).

В статье представлена попытка восполнить этот пробел и определить, какие условия ведут к успешной имплементации институтов электронного участия в НПС. Под НПС мы понимаем те государства, которые классифицируются в проекте *Varieties of Democracy* (далее – *V-Dem*) как закрытые или электоральные автократии (Lührmann, Tannenberg, Lindberg, 2018). Имплементация предполагает создание соответствующих цифровых каналов гражданского участия, а успешность – количество и качество подобных каналов, что операционализируется через рейтинг *EPI*.

Теоретическая модель основана на допущении, что успешная имплементация является следствием комбинации ряда условий, отражающих мотивацию и способность государств, а также международный контекст. Модель тестируется с помощью методики качественного сравнительного анализа нечетких множеств (fuzzy-set QCA, fsQCA) (Ragin, 2008) на выборке из 68 стран за шесть последних волн рейтинга *EPI* с 2014 по 2024 г.

Обзор литературы

Исследования гражданского (в том числе электронного) участия в НПС представляют собой активно развивающуюся область научного знания, где можно выделить два основных подхода, подробное описание которых представлено в наших предыдущих работах (Кабанов, 2018, 2020).

Первый подход ориентирован на изучение отдельных случаев, где особенно выделяется Китай. На его примере показано, что институты участия позволяют правительству получать от граждан важную обратную связь, необходимую для повышения управляемости страны и легитимности политической системы (Chen, 2016; Qiaoan, Teets, 2020). В исследованиях стран Юго-Восточной Азии Г. Родан отмечает появление особой «консультативной идеологии», когда политическая конкуренция замещается «технократическим», деполитизированным участием граждан в «решении проблем» (Rodan, 2018: 30–33). В условиях неконкурентной политики реальное влияние подобных инструментов на эффективность и легитимность остается ограниченным (Trueх, 2017). Тем не менее ожидания властей относительно таких эффектов могут стать важным стимулом, побуждающим их имплементировать институты участия.

Играют роль и внешние стимулы, например, стремление страны к международной легитимации и социализации, что хорошо демонстрирует случай Казахстана (Кнох, Janenova, 2019, 2023). Однако наличие внешней мотивации необязательно означает отсутствие у государства желания использовать институты электронного участия для решения внутриполитических задач государственного управления (Dyussenov, 2025). Развитие электронных сервисов в монархиях Персидского залива демонстрирует важность международных рейтингов. В частности, индекс электронного правительства ООН выступил для этих стран как значимым ориентиром в создании цифровых сервисов, так и фактором межстрановой конкуренции в регионе (Radcliffe, 2018).

Второй подход ориентирован на кросс-национальные статистические исследования факторов имплементации цифровых сервисов. Здесь сложился определенный набор наиболее вероятных предикторов – политических, управленческих, экономических, технологических и социальных (Jho, Song, 2015; Krishnan, Teo, Lymm, 2017; Tavares, Martins, Lameiras, 2020; Ifinedo, Anwar, Cho, 2021). Однако пока нет консенсуса, какие из этих факторов наиболее существенны. Помимо внутренних характеристик, по-видимому, важную роль играет включенность страны в глобальные процессы диффузии электронного участия как политической инновации (Wilson, 2020; Cho, Rethemeyer, 2023).

Второй подход дополняет первый в том, что мотивация (внутренняя или внешняя) должна сопровождаться способностью государств успешно реализовывать намеченные планы, в частности за счет эффективной бюрократии (Stier, 2015). Однако распространение электронного участия в НПС здесь по-прежнему объясняют скорее внешними факторами – стремлением к международной легитимации (Åström et al., 2012; Bougherra et al., 2023). В свете хорошо изученных отдельных случаев такой вывод представляется правдоподобным, но неполным.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится синтез результатов, полученных в рамках первого и второго подходов. Такую возможность, в частности, предоставляет *fsQCA*. Этот метод пока не получил широкого распространения в сфере изучения цифровых сервисов, но имеющиеся работы действительно указывают на наличие различных путей – комбинаций условий, – ведущих к успешной и неудачной имплементации электронного участия (Cezar, 2024). Однако на данный момент отсутствуют работы, которые бы применяли этот метод исключительно к выборке НПС.

Таким образом, несмотря на существенный прогресс в понимании факторов имплементации институтов электронного участия, поиск единой объяснительной модели для НПС остается актуальной задачей.

Теоретическая модель имплементации электронного участия в НПС

В основу нашей теоретической модели положено допущение, что успешную имплементацию институтов электронного участия невозможно объяснить лишь *мотивацией* или *способностью*, *внутренними* или *внешними* условиями. Важна их определенная комбинация.

Говоря о *мотивации*, наиболее вероятным стимулом, как было отмечено ранее, является стремление к дополнительной легитимации режима (Chen, 2016; Qiaoan, Teets, 2020). Известно, что НПС активно используют разнообразные стратегии легитимации, в том числе основанные на реальной или конструируемой эффективности (*performance*) государственного управления (Tannenberget al., 2021). Поскольку имплементация электронных сервисов часто обосновывается именно повышением эффективности управления (Bekkers, Homburg, 2007), логично предположить, что внедрение институтов электронного участия в стране тем более вероятно, чем активнее государство полагается именно на эту стратегию легитимации режима.

Однако иногда сами граждане формулируют запрос на новые каналы участия (Lee, Chang, Berry, 2011). Например, созданием новых институтов участия государства могут реагировать на общественные протесты и иные «кризисы легитимности» (Kneuer, Harnisch, 2016). В условиях неконкурентной политики этот стимул, вероятно, не столь значителен. Страны тем не менее могут проявлять к общественным запросам разную чувствительность. Это условие мы предлагаем концептуализировать через понятие *делиберативности* политической системы (Fleuß, Helbig, 2021), признаки которой могут обнаруживаться в странах с различными политическими режимами (He, Warren, 2011; Dryzek, 2012: 147). Мы предполагаем, что в условиях большей делиберативности граждане будут более активно вовлечены в обсуждение политики, а власть – проявлять готовность учитывать их мнение и создавать для этого новые институты участия.

Следующие условия отражают *способность* государств преодолевать вызовы на пути имплементации. Прежде всего речь идет об управленческих и организационных проблемах, и здесь отмечается важность административной состоятельности (*administrative capacity*), предполагающей наличие эффективного бюрократического аппарата (Stier, 2015). Однако не менее актуальны возможные политические риски, связанные с гражданской активностью в Интернете. Чтобы воспользоваться преимуществами новых технологий, НПС должны убедиться в том, что они не представляют чрезмерной опасности для стабильности режима (Göbel, 2013). Еще в 2013 г. был отмечен парадокс, что НПС, наиболее успешно развивающие электронное участие, зачастую отличаются и наиболее репрессивным подходом к Интернету (Karlsson, 2013). Отсюда наше предположение, что имплементация институтов электронного участия более вероятна в странах с высокой цифровой состоятельностью (*digital capacity*), технологической способностью осуществлять политический контроль над Интернетом, например, через фильтрацию контента (Frantz, Kendall-Taylor, Wright, 2020).

Внедрение электронного участия происходит в контексте их распространения по всему миру, поэтому нельзя исключать, что успех зависит и от степени включенности страны в этот глобальный тренд (Åström et al., 2012; Wilson, 2020; Cho, Rethemeyer, 2023). Проводниками многих политических инноваций являются международные организации, которые не только выступают площадками для обмена опытом, но зачастую также задают тренды и приоритеты государственных реформ (Hadjiisky, 2021). Все более значимым инструментом в их руках становятся рейтинги, которые подсказывают «правильные» модели политики и актуализируют для стран вопросы статуса и репутации (Kelley, Simmons, 2019).

В контексте электронного участия особого внимания заслуживает деятельность двух организаций – партнерства «Открытое правительство» (*Open Government Partnership*, далее – *OGP*), а также Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (далее – *UN DESA*).

OGP было создано в 2011 г. с целью продвижения политики открытости и гражданского участия. Имеющиеся исследования подтверждают, что участие страны в этом объединении повышает эффективность имплементации электронного участия (Wilson, 2020). Этот эффект может достигаться напрямую через исполнение странами взятых на себя обязательств, а также косвенно – посредством принятия новых норм и привлечения дополнительных ресурсов через вовлечение гражданского общества (Piotrowski, Berliner, Ingrams, 2022: 119–175). Относительно *UN DESA* особый интерес представляет издаваемый ими индекс электронного правительства, частью которого является *EPI*. Во-первых, как мы писали выше, стремление быть выше в этом рейтинге является значимым стимулом для многих стран (Bershadskaia, Chugunov, Trutnev, 2012; Radcliffe, 2018). Во-вторых, используемая в индексах нормативная модель электронного правительства и электронного участия вполне может определять

дизайн этой политики на национальном уровне (Janssen, Rotthier, Snijkers, 2004). Мы предполагаем, что государства, проявляющие интерес ко взаимодействию с *UN DESA*, с большей вероятностью будут успешнее в имплементации электронного участия.

Таким образом, мы ожидаем, что НПС будут успешны в имплементации институтов электронного участия, если они активно используют стратегию легитимации через эффективность, отличаются более высокой делиберативностью, государственной и цифровой состоятельностью, а также включенностью в международную повестку через взаимодействие с *OGP* и *UN DESA*.

Дизайн эмпирического исследования

Значимость сформулированных выше условий тестируется с помощью метода fsQCA, который позволяет оценить необходимость и достаточность условий (а также их комбинаций) для исхода (Ragin, 2008; Duşa, 2019; Mello, 2021). Анализ проводился с помощью пакета SetMethods в R (Oana, 2024). Исходные данные были предварительно откалиброваны для определения принадлежности случаев (membership score, далее – MS) ко множествам условий и исхода от 0 (полное исключение) до 1 (полное включение). В зависимости от типа исходных данных кодировка осуществлялась одним из двух способов: либо через трансформацию данных на основе пороговых значений исключения («e»), включения («i») и перехода («с»), либо через присвоение фиксированных MS (0; 0,33; 0,66 и 1) в установленных диапазонах исходных значений (Ragin, 2008: 85–94; Duşa, 2018: 71–92).

Хронологически исследование охватывает шесть последних волн рейтинга *EPI* (2014–2024 гг.), что фактически соответствует периоду с 2013 по 2023 г. В определении выборки стран использовалась классификация *Regimes of the World* проекта *V-Dem* (Lührmann, Tannenberg, Lindberg, 2018; Coppedge et al., 2025). Было отобрано 68 стран, которые на протяжении исследуемого периода являлись закрытыми либо электоральными автократиями.

Исход – успешная имплементация электронного участия (*EPART*) – измеряется через усредненный показатель страны в рейтинге *EPI* от ООН².

Большинство условий измеряются через усредненные данные за 2012–2022 гг. Приверженность страны стратегии легитимации через эффективность (*PERF*) измеряется через показатель *Performance Legitimation* от *V-Dem* (Tannenberg et al., 2021; Coppedge et al., 2025). Делиберативность (*DEL*) также измеряется через данные *V-Dem* – показатель *Engaged Society* (Coppedge et al., 2025). В обоих случаях мы используем порядковую версию переменной. Уровень административной состоятельности (*ADM*) измеряется через индикатор *Government Effectiveness* индекса *Worldwide Governance Indicators* Всемирного банка³. Для операционализации уровня цифровой состоятельности было рассчитано среднее значение двух показателей от *V-Dem*: *Government Internet Filtering Capacity* и *Government Capacity to Regulate Online Content*, которые отражают способность государства использовать более «продвинутые» методы контроля над Интернетом (Coppedge et al., 2025).

Пятое условие – членство в страны в *OGP* (*OG*) – отражает факт участия страны в этой организации за исследуемый период. Наконец, активность взаимодействия с *UN DESA* (*UN*) операционализируется через отзывчивость страны на опросник (*Member States Questionnaire*, далее – *MSQ*), рассылаемый экспертами *UN DESA* в рамках подготовки индекса электронного правительства. Мы считаем, что этот показатель является хоть и ограниченной, но адекватной операционализацией проверяемого условия. Если страна отвечает на *MSQ*, она демонстрирует определенный интерес к рейтингу и деятельности *UN DESA* в этой области. Кроме того, это отражает относительно высокий уровень взаимодействия страны с этой организацией (Kabanov, 2024). Данные об отзывчивости на *MSQ* доступны за 2018–2024 гг.⁴

Таблица 1 содержит параметры калибровки, а также показатели асимметрии калиброванных значений. В целом калибровка отражает баланс между теоретическим смыслом пороговых значений и распределением случаев во множествах условий и исхода. Наиболее проблематичен с этой точки зрения показатель *OG*, где лишь около 13 % случаев относятся ко множеству с исходом 1, однако это ограничение объективно: не так много НПС были или остаются членами *OGP*.

² UN DESA. UN E-Government Knowledgebase [online]. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (accessed: 10.05.2025).

³ Kaufmann, D., Kraay, A. Worldwide Governance Indicators. World Bank [online]. Available at: <https://www.govindicators.org/> (accessed: 10.05.2025).

⁴ UN DESA. UN E-Government Knowledgebase [Online]. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (Accessed: 10.05.2025).

Параметры калибровки

Исход / условие	Пороговые значения калибровки	Доля случаев с <i>MS</i> больше 0.5
EPART	«i»: 0.7; «с»: 0.45; «е»: 0.2	33.82
PERF	>=3.5: 1; <3.5 и >2:0.66; <=2 и >=1.5: 0.33; < 1.5: 0.	67.65
DEL	>=3.5: 1; <3.5 и >=2.5: 0.66; <2.5 и >=2: 0.33; < 2 – 0.	27.94
ADM	«i»: 0.8; «с»: -0.3; «е»: -0.9	27.94
OG	1:1; 0:0	13.24
UN	4:1; 3:0.6; 2:0.4; 1:0.2; 0:0	54.41
DC	«i»: 1.9; «с»: 0.7; «е»: -1.15	54.41

Необходимые и достаточные условия успешности: результаты анализа

Анализ необходимости позволил обнаружить два условия, которые превышают пороговые значения согласованности (0,9), а также охвата и релевантности (0,5) (Mello, 2021: 106–122). Это цифровая состоятельность и взаимодействие с *UN DESA* (табл. 2). Графически отношение между условиями *DC*, *UN* и исходом *EPART* представлено на рис. 1 и 2 соответственно.

Большинство стран в той или иной степени укладывается в допущение о необходимости цифровой состоятельности для успешного внедрения электронного участия (см. рис. 1). Важным исключением является Кыргызстан (левый верхний квадрант). Если опираться на имеющуюся литературу, то можно предположить, что случай этой страны действительно довольно уникален для НПС. Отмечается, что здесь гражданское общество сыграло заметную роль в продвижении идей цифровизации и открытого правительства, во вступлении страны в *OGP* и преодолении сопротивления инновация со стороны элит (Kurmanov, Кнох, 2022; Keegan, 2024). По-видимому, общественное давление в Кыргызстане оказалось для руководства страны более существенным фактором, нежели возможные политические риски новых технологий.

Анализ необходимости условий для исхода *EPART*

Условие	Согласованность (<i>Consistency</i>)	Охват (<i>Coverage</i>)	Релевантность (<i>RoN</i>)
PERF	0,797	0,540	0,649
DEL	0,341	0,484	0,848
ADM	0,637	0,888	0,962
OG	0,205	0,566	0,938
UN	0,914	0,643	0,721
DC	0,907	0,630	0,708
~PERF	0,427	0,340	0,640
~DEL	0,823	0,406	0,368
~ADM	0,526	0,261	0,325
~OG	0,795	0,336	0,187
~UN	0,292	0,223	0,583
~DC	0,338	0,261	0,601

Однако в большинстве своем НПС демонстрируют иную тенденцию. Возможность политического контроля над Интернетом является необходимым условием имплементации электронного участия, что подтверждает более ранние наблюдения исследователей (Karlsson, 2013). Интерпретировать это можно так: если государство не может минимизировать для себя политические риски, маловероятно, что оно будет развивать цифровые каналы гражданского участия. Последние, в свою очередь, становятся более безопасной для власти альтернативой сокращающемуся пространству политической коммуникации в Интернете. Однако следует подчеркнуть, что необходимость условия не означает его достаточности. Жесткий подход к Интернету необязательно приводит к появлению в стране развитых институтов электронного участия.

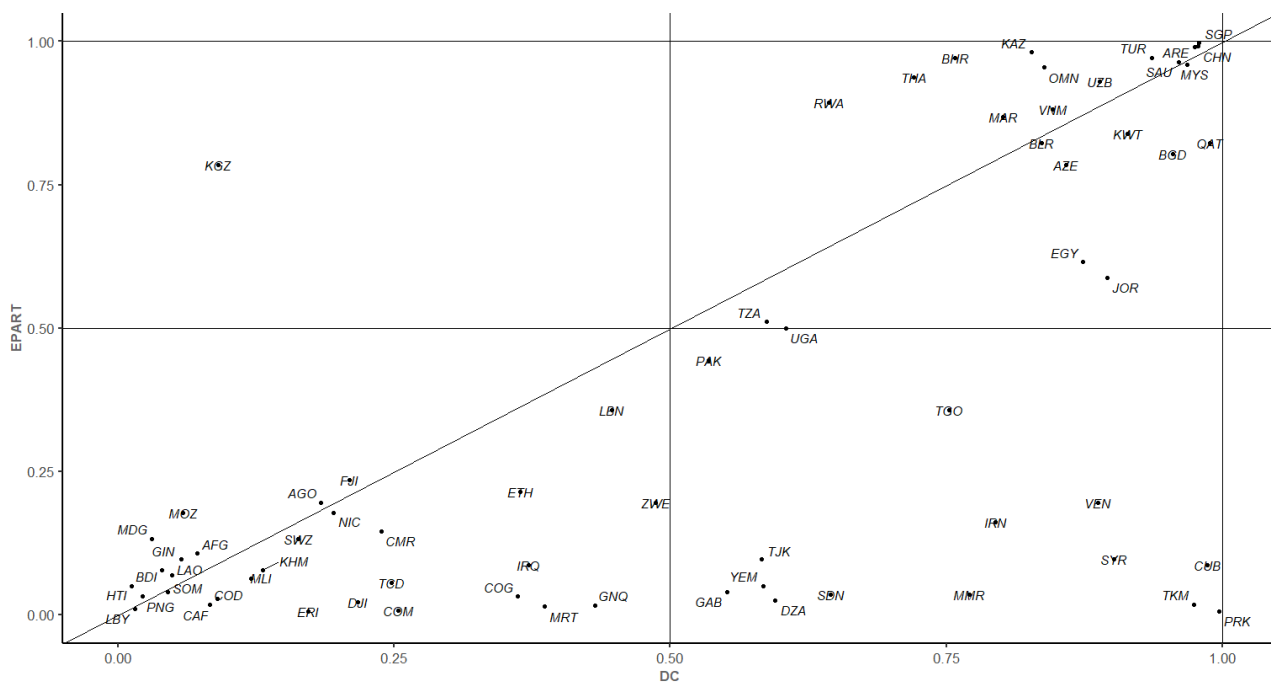

Рис. 1. График распределения *DC* и *EPART*

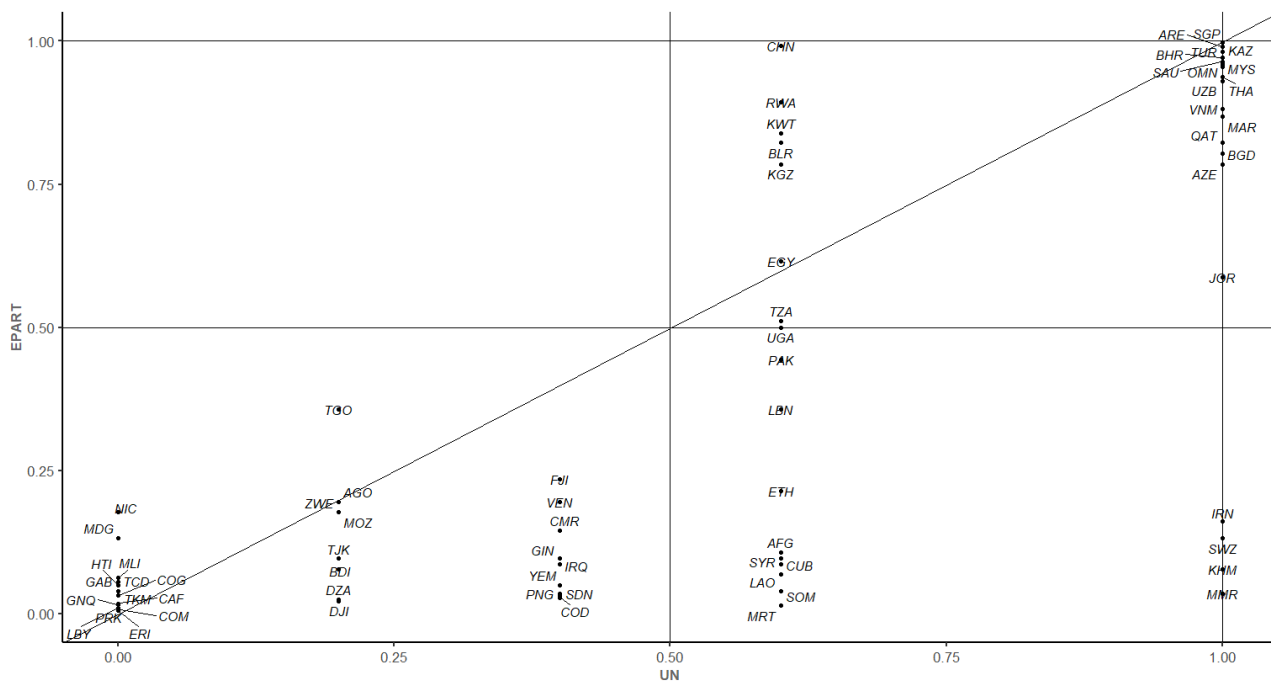

Рис. 2. График распределения *UN* и *EPART*

Второе необходимое условие – взаимодействие с *UN DESA* – отражает значимость глобального контекста и международных организаций в создании спроса на подобные инновации. Взаимодействие само по себе не гарантирует высокий результат, но без интереса страны к самой инновации или к рейтингу *EPI* успешное внедрение электронного участия маловероятно. Действительно, в документах стран-лидеров можно обнаружить достаточно отсылок либо к индексу

электронного правительства, либо к продвигаемой *UN DESA* модели электронного участия. В частности, это характерно для ближневосточных стран⁵.

Далее был проведен анализ достаточности условий. В качестве пороговых использовались параметры согласованности или включения (*inclusion score, inclS*) и пропорционального снижения несогласованности (*PRI*) в 0,75 и 0,5 соответственно (Mello, 2021: 106–122). Путем минимизации таблицы истинности⁷ было сформулировано консервативное решение (Duşa, 2019: 163–166), которое позволяет обратить внимание на контекст отдельных случаев (Álamos-Concha et al., 2022).

Консервативное решение для положительного исхода выглядит следующим образом:
 $PERF*UN*ADM*DC + PERF*DEL*OG*UN*\sim ADM \rightarrow EPART$

Параметры решения представлены в табл. 3, а на рис. 3 оно изображено графически.

Таблица 3

Параметры консервативного решения (исход – *EPART*)

№ п/п	Комбинация	<i>inclS</i>	<i>PRI</i>	<i>covS</i>	<i>covU</i>	Случаи
1	PERF*UN*ADM*DC	0,937	0,915	0,554	0,512	(1) Сингапур, Китай, ОАЭ, Казахстан, Бахрейн, Саудовская Аравия, Малайзия, Оман, Таиланд, Руанда, Катар, Куба; (2) Турция, Азербайджан; (3) Вьетнам, Кувейт; (4) Марокко, Иордания
2	PERF*DEL*OG*UN*\sim ADM	0,834	0,601	0,094	0,052	Кыргызстан, Танзания, Пакистан
		0,916	0,881	0,606		

Примечание: covS – общий охват (*raw coverage*); *covU* – уникальный охват (*unique coverage*).

Большинство успешных стран (см. рис. 3) укладывается в это решение (правый верхний квадрант), но есть ряд выбивающихся кейсов. Наиболее проблематичным представляется случай Кубы, где наличие всех условий не привело к положительному исходу (правый нижний квадрант). По-видимому, географическое положение обострило технологические вызовы и замедлили цифровизацию государства, поэтому только сейчас государство начинает развивать соответствующие сервисы⁶. Также стоит отметить, что отдельные относительно успешные государства, наоборот, не покрываются формулой решения (левый верхний квадрант на рис. 3). Это указывает на наличие иных возможных путей к успешному построению институтов электронного участия, которые нуждаются в отдельном изучении.

Тем не менее полученная формула объясняет большинство случаев успешного внедрения электронного участия. В соответствии с нашим базовым теоретическим ожиданием ни одно из условий не обеспечивает исход само по себе.

К успеху ведут два пути. Для обоих характерно наличие внутренней мотивации – активного использования стратегии легитимации через эффективность, а также внешних стимулов, проявляющихся через взаимодействие с *UN DESA*. Однако мотивация должна сопровождаться способностью государства реализовывать намеченные планы. Наиболее успешные страны достигают результатов за счет сочетания высокой административной и цифровой состоятельности (первый компонент формулы), относительно эффективной бюрократии и жесткого политического контроля над Интернетом. Многие из этих стран хорошо описаны в литературе (например, Китай и Сингапур). Однако в этой логике развивается и куда менее изученный кейс Руанды, одной из немногих стран тропической Африки с высоким уровнем развития сервисов электронного участия.

⁵ Ministry of Information and Communications Technology of the State of Qatar. Qatar E-Government 2020 Strategy. Executive Summary [online]. Available at: <https://services.hukoomi.gov.qa/assets/downloadables/en/qatar-e-government-2020-strategy-en.pdf> (accessed: 12.07.2025); Telecommunications and Digital Government Regulatory Authority. United Arab Emirates. Summary of the National Digital Participation Plan on the UAE’s Official Portal. 2021–2025. May 2021 [online]. Available at: <https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/digital-inclusion/digital-inclusion-and-participation> (accessed: 12.07.2025); Information and eGovernment Authority of the Kingdom of Bahrain. Electronic Participation Policy. 6.07.2021 [online]. Available at: <https://www.iga.gov.bh/Media/Publications/National%20Digital%20Policies/eParticipation%20Policy%20V1.0.pdf> (accessed: 12.07.2025).

⁶ Cuba’s New Digital Government Platform Almost Up and Running. OnCuba News. 18.08.2024 [online]. Available at: <https://oncubanews.com/en/cuba/cubas-new-digital-government-platform-almost-up-and-running/> (accessed: 15.08.2025).

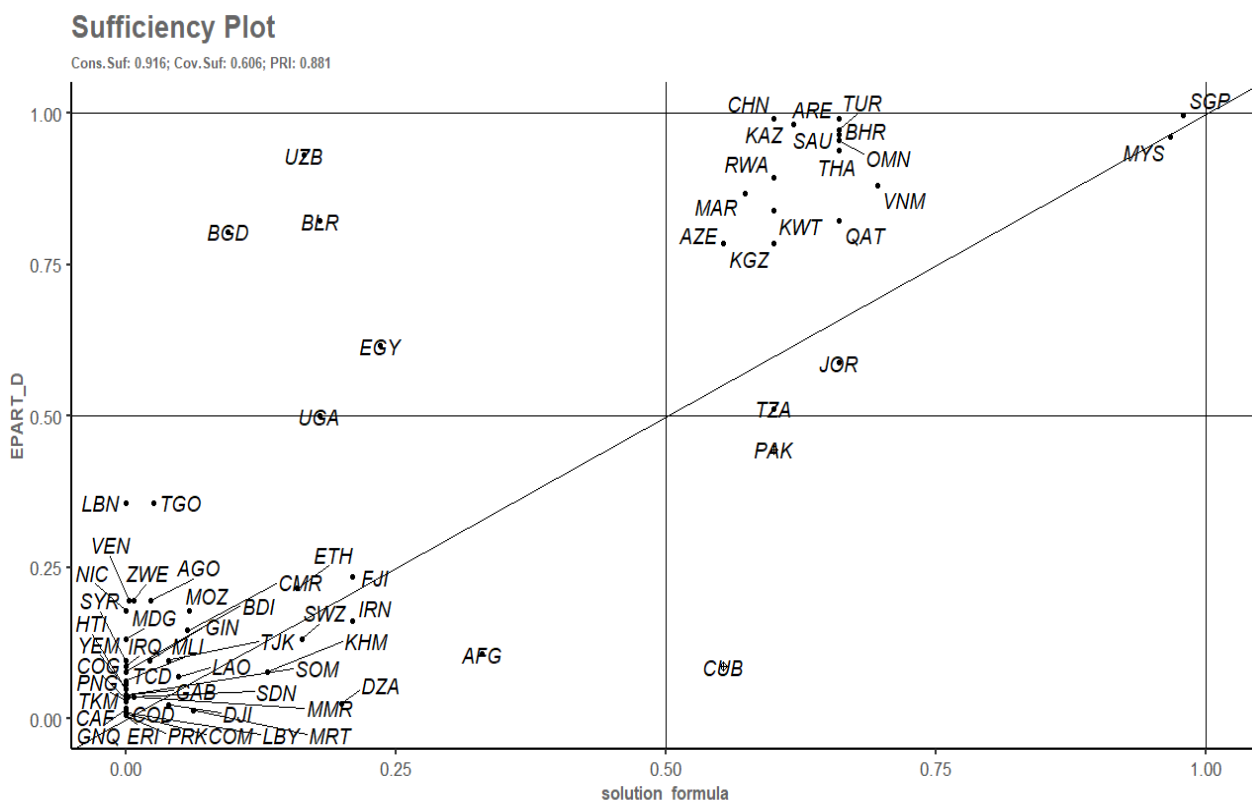

Рис. 3. График распределения решения и исхода *EPART*

Большинство этих стран также характеризуются низким уровнем делиберативности, что ставит под сомнение важность фактора общественного запроса (Lee, Chang, Berry, 2011) и осуществимость на практике концепции «авторитарной делиберации» (He, Warren, 2011). Участие этих стран в *OGP*, по-видимому, также не является существенным. Например, Турция присоединилась к организации в 2011 г., но уже в 2016 г. была исключена, что существенно не повлияло на развитие электронного участия (рис. 4).

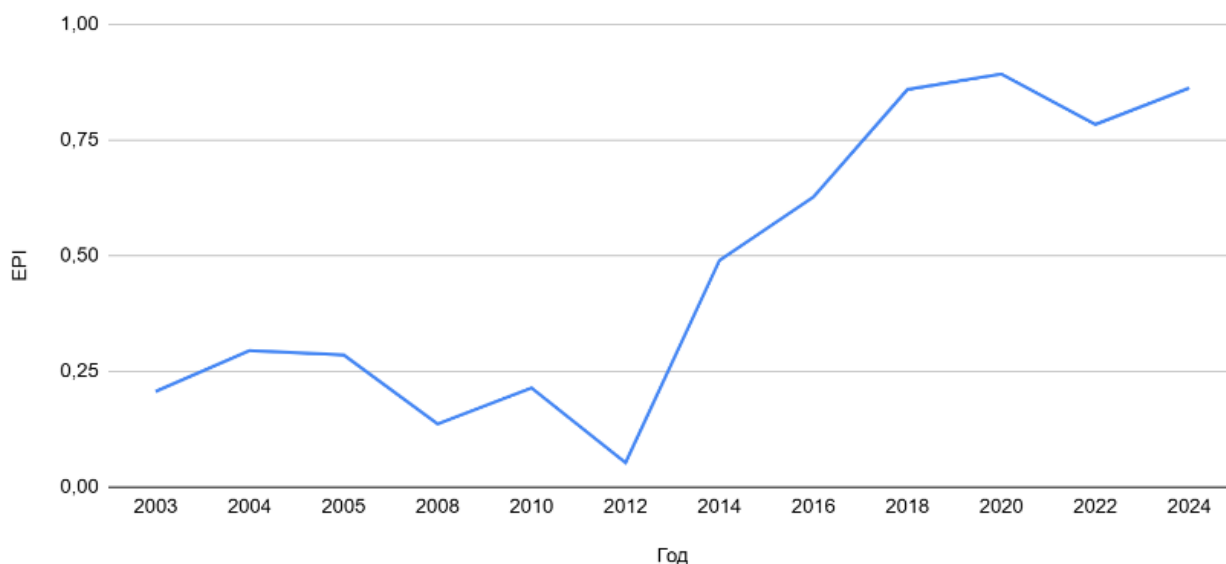

Рис. 4. Динамика Турции в рейтинге *EPI* (источник данных: *UN DESA*⁷)

⁷ UN DESA. UN E-Government Knowledgebase [online]. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (accessed: 10.05.2025).

Иную ситуацию можно наблюдать тогда, когда у государства не хватает административной состоятельности. Здесь и общественное участие, и членство в OGP могут играть более заметную роль. Об этом свидетельствует второй путь, по которому идут Кыргызстан, Танзания и Пакистан. По-видимому, недостаточная эффективность управления здесь компенсируется большим вовлечением граждан и включенностью в международные «сети обучения». Опыт Кыргызстана мы уже кратко описали выше. Здесь следует добавить, что динамика Кыргызстана в EPI довольно точно совпадает с периодом активного участия страны в OGP (рис. 5).

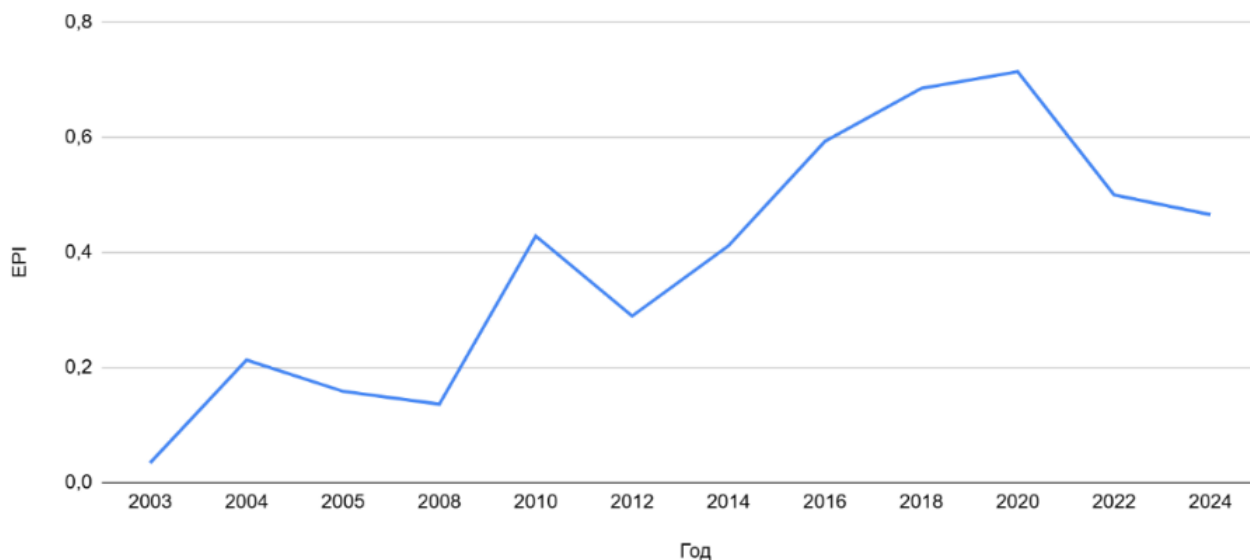

Рис. 5. Динамика Кыргызстана в рейтинге *EPI* (источник данных: UN DESA⁸)

Похожий путь проделала и Танзания, в числе первых присоединившись к OGP в 2011 г. С 2015 года в стране наблюдаются тенденции к сокращению политического плюрализма (Rugeiyamu and Nguyahambi, 2024), и в 2017 г. страна вышла из организации. После этого в динамике развития электронного участия также наблюдается спад (рис. 6).

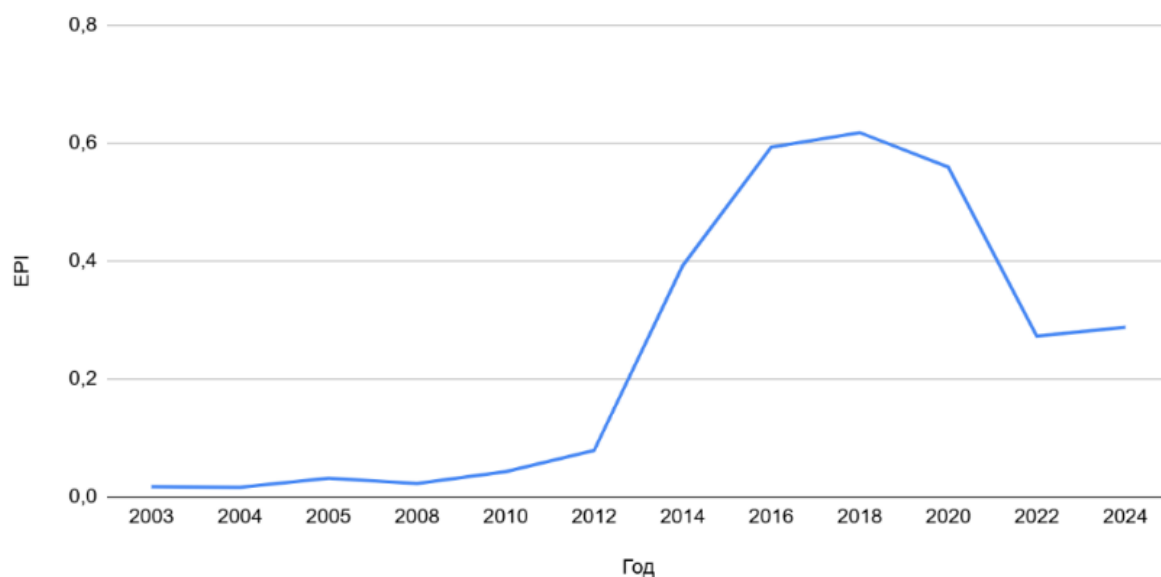

Рис. 6. Динамика Танзании в рейтинге *EPI* (источник данных: UN DESA⁹)

⁸ UN DESA. UN E-Government Knowledgebase [online]. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/> (accessed: 10.05.2025).

⁹ Ibid.

Хотя второй путь также позволяет НПС достичь определенных результатов, анализ случаев демонстрирует его ограниченность. Изменение приоритетов руководства, снижение вовлеченности гражданского общества или международных организаций довольно быстро влияют на эффективность имплементации цифровых каналов участия. Поскольку этот путь требует относительного плюрализма и открытости, в неконкурентных условиях он видится более рискованным и менее вероятным.

Заключение

Данная статья – одна из первых попыток применения конфигуративных методов к изучению институтов электронного участия в НПС. По итогам можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, как показывает анализ, успехи, как и неудачи¹⁰, в имплементации институтов электронного участия не объясняются каким-то одним обстоятельством. Выявление нескольких путей, по которым следуют в этой сфере наиболее успешные НПС, является важным вкладом данной работы в поиск факторов развития электронного участия в сравнительной перспективе. Применение *fsQCA* позволило объединить в этом поиске достижения предыдущих кросс-национальных исследований и кейс-стади.

Во-вторых, результаты исследования вносят вклад в дискуссию о развитии Интернета в неконкурентных условиях, подтверждая, что современные НПС в целом научились успешно внедрять информационные технологии, использовать их в своих целях и одновременно минимизировать возможные политические риски, исходящие из онлайн-пространства (Keremoğlu, Weidmann, 2020). В этих условиях превращение институтов электронного участия в полноценные платформы deliberации, даже «авторитарные» (He, Warren, 2011), маловероятно.

В-третьих, в имплементации институтов участия все отчетливее прослеживается «логика усиления состоятельности государственного управления» (Woo, Kübler, 2020: 348). Наше исследование подтверждает эту точку зрения, отмечая значимость стратегии легитимации через эффективность как мотивации ко внедрению электронного участия. Кроме того, работа вносит вклад в более широкое поле исследований, посвященных роли и механизмам легитимации в неконкурентной политике (Tannenberget al., 2021).

Наконец, в-четвертых, исследование показывает важность международного контекста, особенно подчеркивая возрастающую роль глобальных рейтингов (в частности, в сфере цифровизации) в продвижении политических инноваций и стимулировании межстрановой конкуренции (Kelley, Simmons, 2019).

Безусловно, у проведенного анализа есть ограничения. Прежде всего работа не касается важного вопроса, в какой степени и с какими результатами эти институты участия используются самими гражданами. Кроме того, не все случаи покрываются выявленными решениями, поэтому поиск других путей к успеху остается актуальным.

Список литературы / References

- Кабанов, Ю. А. (2018) 'Что скрывается за "фасадом"? Исследовательская программа электронного участия в недемократических странах', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, (3), pp. 50–66. Available at: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-50-66> [Kabanov, Yu. A. (2018) 'What is Beyond the Façade? Research Program of E-Participation in Non-Democracies' [' Chto skryvaetsja za" fasadom"? Issledovatel'skaja programma jelektronnogo uchastija v nedemokraticeskix stranah '], *Bulletin of Perm University. Political Science*, (3), pp. 50–66. (In Russ.)].
- Кабанов, Ю. А. (2020) 'Публичная политика в гибридных режимах: обзор исследований', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 14(2), pp. 142–150. Available at: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-2-142-150>. [Kabanov, Yu. A. (2020) Public Policy in Hybrid Regimes: A Review [' Publichnaja politika v gibridnyh rezhimah: obzor issledovanij'], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 14(2), pp. 142–150. (In Russ.)]
- Álamos-Concha, P. et al. (2022) 'Conservative solutions for progress: On solution types when combining QCA with in-depth

¹⁰ Объем статьи не позволяет остановиться на комбинациях условий, ведущих к отрицательному исходу (~EPART). Подробно с ними можно ознакомиться в онлайн-приложении к статье (https://disk.yandex.ru/i/orxk_K1vXk1hlA). Отметим, что «формула провала» не является зеркальным отражением «формулы успеха».

- process-tracing', *Quality & Quantity*, 56(4), pp. 1965–1997. DOI: 10.1007/s11135-021-01191-x.
- Åström, J. et al. (2012) 'Understanding the rise of e-participation in non-democracies: Domestic and international factors', *Government Information Quarterly*, 29(2), pp. 142–150. DOI: 10.1016/j.giq.2011.09.008.
- Bekkers, V. and Homburg, V. (2007) 'The myths of e-government: Looking beyond the assumptions of a new and better government', *The Information Society*, 23(5), pp. 373–382. DOI: 10.1080/01972240701572913.
- Bershanskaya, L., Chugunov, A. and Trutnev, D. (2012) 'E-Government in Russia: Is or Seems?', in: D. Ferreira et al. (eds) *ICEGOV '12: Proceedings of the 6th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance*. Albany, New York, USA: Association for Computing Machinery, New York, NY, United States, pp. 79–82. DOI: 10.1145/2463728.2463747.
- Bougherra, M. et al. (2023) 'E-government performance in democracies versus autocracies', *International Journal of Organizational Analysis*, 31(7), pp. 3275–3294. DOI: 10.1108/IJOA-01-2022-3124.
- Cezar, A. (2024) 'Pathways to e-participation diffusion: A societal and governance perspective', *Telematics and Informatics*, 94, pp. 1–12. DOI: 10.1016/j.tele.2024.102177.
- Chen, J. (2016) *Useful Complaints: How Petitions Assist Decentralized Authoritarianism in China*. Lanham, Boulder, New York and London: Lexington Books. 204 p.
- Cho, B. and Rethemeyer, R. K. (2023) 'Whom do we learn from? The impact of global networks and political regime types on e-government development', *International Public Management Journal*, 26(4), pp. 507–527. DOI: 10.1080/10967494.2022.2077868.
- Coppedge, M. et al. (2025) V-Dem [Country-Year/Country-Date] Dataset v15. Varieties of Democracy (V-Dem) Project. Available at: <https://doi.org/10.23696/vdemds25>. (Accessed: 24 May 2025).
- Dryzek, J. S. (2012) *Foundations and frontiers of deliberative governance*. Oxford University Press. 256 p.
- Duša, A. (2019) *QCA with R: A comprehensive resource*. Springer. 292 p.
- Dyussenov, M. (2025) 'Digital governance or digital authoritarianism? The ambiguities of e-government in Kazakhstan', *Dialogues on Digital Society*, 1(3), pp. 274–277. DOI: 10.1177/29768640251379943.
- Fleuß, D. and Helbig, K. (2021) 'Measuring nation states' deliberativeness: Systematic challenges, methodological pitfalls, and strategies for upscaling the measurement of deliberation', *Political Studies*, 69(2), pp. 307–325. DOI: 10.1177/0032321719890817.
- Frantz, E., Kendall-Taylor, A. and Wright, J. (2020) 'Digital repression in autocracies', *Varieties of Democracy Institute Users Working Paper* (27), pp. 1–22.
- Göbel, C. (2013) 'The information dilemma: How ICT strengthen or weaken authoritarian rule', *Statsvetenskaplig tidskrift*, 115(2013), pp. 367–384.
- Hadjiisky, M. (2021) 'International organizations as complex agents in policy transfer processes', in: O. Porto de Oliveira (ed.) *Handbook of policy transfer, diffusion and circulation*. Edward Elgar Publishing, pp. 121–154. DOI: 10.4337/9781789905601.00015.
- He, B. and Warren, M.E. (2011) 'Authoritarian deliberation: The deliberative turn in Chinese political development', *Perspectives on Politics*, 9(2), pp. 269–289. DOI: 10.1017/S1537592711000892.
- Ifinedo, P., Anwar, A. and Cho, D. (2021) 'Using Panel Data Analysis to Uncover Drivers of E-Participation Progress: A Global Insight and Regional Perspectives', *Journal of Global Information Management (JGIM)*, 29(3), pp. 212–235. DOI: 10.4018/JGIM.2021050109
- Janssen, D., Rotthier, S. and Snijkers, K. (2004) 'If you measure it they will score: An assessment of international eGovernment benchmarking', *Information Polity*, 9(3–4), pp. 121–130. DOI: 10.3233/IP-2004-0051.
- Jho, W. and Song, K. J. (2015) 'Institutional and technological determinants of civil e-Participation: Solo or duet?', *Government Information Quarterly*, 32(4), pp. 488–495. DOI: 10.1016/j.giq.2015.09.003.
- Kabanov, Y. (2024) 'Causes and Consequences of States' Responsiveness to the UN E-Government Survey: Exploring the Role of the Member States Questionnaire', in: S. Chun et al. (eds) *Proceedings of the 17th International Conference on Theory and*

- Practice of Electronic Governance*. New York, NY, USA: Association for Computing Machinery (ICEGOV '24), pp. 223–228. Available at: <https://doi.org/10.1145/3680127.3680171>.
- Karlsson, M. (2013) 'Carrots and sticks: Internet governance in non-democratic regimes', *International Journal of Electronic Governance*, 6(3), pp. 179–186. DOI: doi.org/10.1504/IJEG.2013.058405.
- Keegan, K. (2024) 'Corruption and digital authoritarianism: political drivers of e-government adoption in Central Asia', *Democratization*, 31(1), pp. 23–46. DOI: [10.1080/13510347.2023.2255146](https://doi.org/10.1080/13510347.2023.2255146).
- Kelley, J. G. and Simmons, B. A. (2019) 'Introduction: The power of global performance indicators', *International Organization*, 73(3), pp. 491–510. DOI: [10.1017/S0020818319000146](https://doi.org/10.1017/S0020818319000146).
- Keremoğlu, E. and Weidmann, N. B. (2020) 'How dictators control the internet: A review essay', *Comparative Political Studies*, 53(10–11), pp. 1690–1703. DOI: [10.1177/0010414020912278](https://doi.org/10.1177/0010414020912278).
- Kneuer, M. and Harnisch, S. (2016) 'Diffusion of e-government and e-participation in Democracies and Autocracies', *Global Policy*, 7(4), pp. 548–556. DOI: [10.1111/1758-5899.12372](https://doi.org/10.1111/1758-5899.12372).
- Knox, C. and Janenova, S. (2019) 'The e-government paradox in post-Soviet countries', *International Journal of Public Sector Management*, 32(6), pp. 600–615. DOI: [10.1108/IJPSM-08-2018-0173](https://doi.org/10.1108/IJPSM-08-2018-0173).
- Knox, C. and Janenova, S. (2023) 'Kazakhstan: In search of international legitimacy', in F. De Francesco and C.M. Radaelli (eds) *The Elgar Companion to the OECD*. Edward Elgar Publishing, pp. 232–244. DOI: [10.4337/9781800886872.00030](https://doi.org/10.4337/9781800886872.00030).
- Krishnan, S., Teo, T.S.H. and Lymm, J. (2017) 'Determinants of electronic participation and electronic government maturity: Insights from cross-country data', *International Journal of Information Management*, 37(4), pp. 297–312. DOI: [10.1016/j.ijinfomgt.2017.03.002](https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2017.03.002).
- Kurmanov, B. and Knox, C. (2022) 'Open government and citizen empowerment in authoritarian states', *Journal of Eurasian Studies*, 13(2), pp. 156–171.
- Lee, C. P., Chang, K. and Berry, F. S. (2011) 'Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective', *Public Administration Review*, 71(3), pp. 444–454. DOI: [10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x](https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x).
- Lührmann, A., Tannenberg, M. and Lindberg, S.I. (2018) 'Regimes of the world (RoW): Opening new avenues for the comparative study of political regimes', *Politics and Governance*, 6(1), pp. 60–77. DOI: [10.17645/pag.v6i1.1214](https://doi.org/10.17645/pag.v6i1.1214).
- Mello, P. A. (2021) *Qualitative comparative analysis: An introduction to research design and application*. Georgetown University Press. 240 p.
- Oana, I.-E. (2024) 'Qualitative comparative analysis', in: Cyr, J., Wallace Goodman, S. (eds.) *Doing Good Qualitative Research*. Oxford University Press, pp. 422–432.
- Piotrowski, S. J., Berliner, D., Ingrams, A.C.N.-J. P. 2022 (2022) *The power of partnership in open government: Reconsidering multistakeholder governance reform*. Massachusetts, United States: The MIT Press, 304 p. DOI: [10.7551/mitpress/13984.001.0001](https://doi.org/10.7551/mitpress/13984.001.0001).
- Qiaoan, R., Teets, J. C. (2020) 'Responsive Authoritarianism in China – a Review of Responsiveness in Xi and Hu Administrations', *Journal of Chinese Political Science*, 25(1), pp. 139–153. DOI: [10.1007/s11366-019-09640-z](https://doi.org/10.1007/s11366-019-09640-z).
- Radcliffe, D. (2018) 'E-Government in the GCC Countries: Promises and Impediments', in: *Digital Middle East. State and Society in the Information Age*. London: C. Hurst & Co, pp. 239–260.
- Ragin, C. C. (2008) *Redesigning social inquiry: Fuzzy sets and beyond*. University of Chicago Press. 225 p.
- Rodan, G. (2018) *Participation without democracy: Containing conflict in Southeast Asia*. Cornell University Press. 281 p.
- Rugeiyamu, R. and Nguyahambi, A.M. (2024) 'Civic space and its effects on advocacy Non-Governmental Organizations (NGOs) in Tanzania', *International Social Science Journal*, 74(253), pp. 1113–1133. DOI: [10.1111/issj.12500](https://doi.org/10.1111/issj.12500).
- Stier, S. (2015) 'Political determinants of e-government performance revisited: Comparing democracies and autocracies', *Government Information Quarterly*, 32(3), pp. 270–278. DOI: [10.1016/j.giq.2015.05.004](https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.05.004).
- Tannenberg, M. et al. (2021) 'Claiming the right to rule: regime legitimization strategies from 1900 to 2019', *European Political Science Review*, 13(1), pp. 77–94. DOI: [10.1017/S1755773920000363](https://doi.org/10.1017/S1755773920000363).

- Tavares, A. F., Martins, J. and Lameiras, M. (2020) 'Electronic Participation in a Comparative Perspective: Institutional Determinants of Performance', in: M.P. Rodríguez Bolívar and M. E. Cortés Cediél (eds.) *Digital Government and Achieving E-Public Participation: Emerging Research and Opportunities*. Pennsylvania: IGI Global, pp. 87–123. DOI: 10.4018/978-1-7998-1526-6.ch005.
- Truex, R. (2017) 'Consultative Authoritarianism and Its Limits', *Comparative Political Studies*, 50(3), pp. 329–361. DOI: 10.1177/0010414014534196.
- Wilson, C. (2020) 'The socialization of civic participation norms in government?: Assessing the effect of the Open Government Partnership on countries' e-participation', *Government Information Quarterly*, 37(4), pp. 101476. DOI: 10.1016/j.giq.2020.101476.
- Woo, S.Y. and Kübler, D. (2020) 'Taking stock of democratic innovations and their emergence in (unlikely) authoritarian contexts', *Politische Vierteljahresschrift*, 61(2), pp. 335–355. DOI: 10.1007/s11615-020-00236-4.

Статья поступила в редакцию: 07.12.2025

Статья принята к печати: 15.01.2026

CONDITIONS FOR THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF E-PARTICIPATION INSTITUTIONS: THE CASE OF NON-COMPETITIVE POLITICAL SYSTEMS

Y. Kabanov

Yury Kabanov, Senior Lecturer, Department of Political Science and International Affairs, HSE University – St. Petersburg, Russia, Deputy director, Center of E-Governance, ITMO University, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: ykabanov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-4011-2010. ResearcherID: U-1616-2018).

Abstract

There is no consensus on why some countries are more successful in implementing e-participation institutions than others. This study contributes to this debate by focusing on non-competitive political systems. A qualitative comparative analysis was conducted on a sample of 68 countries for the period of 2014–2024. The analysis identified two necessary conditions for success: a high level of digital capacity that enables the countries to exercise political control over the Internet, as well as sensitivity towards the global trends in innovation diffusion. Furthermore, two sufficient combinations of conditions were found. All successful countries actively rely on performance-based legitimation strategies and engage with the UN in the area of e-participation. Their paths then diverge, with success achieved either through strong administrative and digital capacity or through civil society engagement and interaction with the Open Government Partnership. This study contributes to cross-national e-participation research, as well as to the debate regarding the Internet development in non-competitive political contexts.

Keywords: e-participation; civic participation; qualitative comparative analysis; public policy; digitalization; state capacity; governance.